

МСТИТЕЛЬ. Цена искупления



АЛЕКСАНДР КОЛЮЧИЙ

Александр Лобачев (Колючий)

Мститель. Цена искупления

«Литнет»

2026

Лобачев (Колючий) А.

Мститель. Цена искупления / А. Лобачев (Колючий) — «Литнет», 2026

Пять лет я жил в персональном чистилище, среди холодного железа и въевшегося в кожу мазута. Пять лет я кормил свою ярость, пытаюсь собрать себя по кускам после того, как мой мир рухнул. Виктор Громов решил, что может безнаказанно объявить войну моему брату Руслану и заблокировать счета нашего клана. Он был уверен, что сломал меня окончательно, отобрав самое ценное — моего сына. Но этот ублюдок совершил фатальную ошибку: лишив волка стаи, он забрал у него последний страх. Теперь я возвращаюсь в игру. Я выжгу его империю дотла и построю на её руинах свою — империю пепла и беспощадной мести. Но на моем пути к возмездию возникает она. Девушка, чьи тайны могут стать ключом к победе — или моей новой, смертельной слабостью. Мы оба сломаны, но в этой войне пленных не берут. Я готов заплатить любую цену за искупление. И эта цена будет выплачена кровью. Комментарии приветствуются, хочу услышать обратную связь, насколько Вам нравится книга! Первая книга цикла «Наследник. Брак по принуждению» --->>> Вторая книга цикла «Наследник. Брак по принуждению 2» ---->>>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1

В глубине старого, пропахшего сыростью и пережженным мазутом таксопарка, «Сектор Ноль» давно стал моим персональным чистилищем. Здесь, среди груд холодного железа и островов некогда быстрых машин, время замирало, подчиняясь лишь монотонному стуку капель по жестяной крыше. Ливень снаружи отбивал рваный, агрессивный ритм, похожий на тяжелый индастриал, заглушая шум далекой автострады. Никаких лишних звуков. Никаких людей. Только я и сталь.

Я сидел на низком табурете перед разобранным двигателем своего кастомного байка, вглядываясь в хитросплетения деталей, словно искал в них ответ на вопрос, который терзал меня последние пять лет. В воздухе висела густая смесь запахов: горький кофе, настоявшийся в старой кружке, резкий аромат бензина и едва уловимые нотки кедра от моего собственного парфюма. Тусклая лампа, подвешенная на оголенном проводе, раскачивалась от сквозняка, отбрасывая на бетонные стены длинные, дерганные тени. Они плясали вокруг, как призраки прошлого, от которых я так и не смог убежать.

Тишина внутри ангара давила на уши, но это была правильная тишина. Безопасная.

Я работал без перчаток. Мои крупные ладони были по локоть измазаны в черном, вязком масле. Оно въедалось в кожу, забивалось под ногти и контрастно подчеркивало белизну старых шрамов на костяшках. Каждый раз, когда мои пальцы касались ледяного металла блока цилиндров, я чувствовал мимолетное облегчение. Будто холод мертвого двигателя мог остудить ту раскаленную ярость, что клокотала в груди, выжигая легкие при каждом вдохе. Ярость была моим единственным верным спутником все эти годы. Моим топливом. Тем самым высокооктановым дерьмом, которое заставляло меня просыпаться по утрам, открывать глаза и снова идти в этот гараж.

На правой руке, скрытой под слоем грязи, напрягались контуры татуировки — сокол, разрывающий цепи. Когда-то я набил её как символ неукротимой жажды свободы. Теперь этот рисунок казался мне злой, издевательской шуткой. Цепи никуда не делись. Они просто стали невидимыми.

— Черт бы тебя побрал, — прохрипел я, когда ключ сорвался с болта, содрав кожу на указательном пальце.

Я даже не поморщился, глядя на выступившую каплю крови. Она набухла, сорвалась вниз и мгновенно смешалась с черной лужицей отработки на верстаке. Кровь и мазут. Вся моя жизнь в одной метафоре.

Я пытался сосредоточиться на калибровке инжектора, но мысли, как заезженная пластинка, соскальзывали к одному и тому же образу. К лицу женщины, которую я ненавидел так же сильно, как и любил. Пять лет назад мой отец, глава корпорации «Монолит», бросил мне на стол планшет с видеозаписью. На экране Лера — моя Лера — смеялась в объятиях другого мужчины в каком-то дешевом гостиничном номере. «Она предала тебя, сын, — сказал тогда старик своим хриплым, прокуренным голосом. — Забудь её. У нас империя, которую нужно защищать, а она — просто слабость».

Я поверил. Я позволил этой лжи отравить мою кровь, собрал вещи и исчез в «Секторе Ноль», оставив совет директоров грызться за активы. Я упивался своей болью, превратив её в броню. И только теперь, спустя годы, где-то на задворках сознания начала биться мысль: а что, если всё это было срежиссировано?

Раздался резкий, царапающий уши скрежет.

Тяжелые створки бокса неохотно разошлись по ржавым направляющим, впуская внутрь поток ледяного ночного воздуха и шум проливного дождя. Я не обернулся. Я узнал этот шаг.

Размеренный, тяжелый, выверенный до миллиметра. По бетону процокали подошвы дорогих туфель, и в круг света от моей лампы шагнул Андрей Семенов.

Начальник службы безопасности моей семьи, мой лучший друг, человек, который прикрывал мою спину в десятках драк. Он выглядел так, словно только что покинул закрытый деловой прием: безупречное черное кашемировое пальто, на плечах которого блеснули капли дождя, идеально выглаженная рубашка. От него пахло дорогим парфюмом и мокрой кожей. Он стоял, засунув руки в карманы, и с нескрываемым сожалением смотрел на меня. Наверное, в своей заляпанной майке и с руками по локоть в грязи я больше напоминал бродягу, чем законного наследника империи Волковых.

— Опять ночуешь в этой дыре, Макар? — голос Андрея звучал ровно, бархатисто, но в нем чувствовалась привычная сталь человека, привыкшего отдавать приказы.

— Тебе что-то нужно, или ты приехал на окраину города в три часа ночи, чтобы оценить мой гардероб? — не оборачиваясь, ответил я, продолжая крутить гайку на крышке клапанов.

Андрей тяжело вздохнул и подошел ближе. Его длинная тень накрыла верстак, заставляя меня всё же отложить инструмент. В этом человеке всегда была та пугающая степень спокойствия, которая меня, привыкшего решать проблемы кулаками и скоростью, откровенно раздражала. Андрей был единственным, кто решался входить в «Сектор Ноль» без приглашения.

Мы молчали несколько секунд. Шум дождя заполнял паузу между нами, создавая иллюзию того, что мир за пределами гаража перестал существовать.

— Это пришло на центральный КПП «Монолита» час назад. Лично тебе. Курьер растворился быстрее, чем охрана успела заблокировать периметр, — Андрей вытащил руку из кармана и выложил на край верстака, прямо рядом с лужицей отработанного масла, конверт из плотной желтоватой бумаги.

Я замер. Мои пальцы, еще секунду назад уверенно сжимавшие ключ, дрогнули. Инстинкт, отточенный годами паранойи, завопил об опасности.

— Отправь это в шредер вместе с остальным мусором, который мне шлют, — отрезал я, чувствуя, как внутри снова начинает закипать темная волна. — Я вне игры, Андрей. Ты это знаешь. Пусть Руслан разбирается с почтой.

— Я бы на твоём месте сначала посмотрел, — тихо, с какой-то странной интонацией сказал Семенов. — Громов начал делать ходы. И этот ход касается не акций.

Имя Виктора Громова ударило по нервам, как разряд тока. Громов. Человек, который после смерти моего отца начал методично, кусок за куском, отгрызать «Монолит», подминая под себя совет директоров. Я ненавидел его холодной, расчетливой ненавистью, но до сегодняшнего дня мы соблюдали нейтралитет. Он не лез в мой гараж, я не лез в его корпоративные войны.

Я взял с верстака грязную тряпку, наскоро вытер руки и взял конверт. Резким движением вскрыл плотную бумагу.

В ту же секунду из конверта вырвался резкий, ледяной запах мяты. Настолько отчетливый, искусственный и въедливый, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Внутри всё заledenело. Этот запах был моим личным триггером. Мята всегда означала присутствие Громова — человека, который оперировал человеческими судьбами с хирургической точностью.

Дрожащими пальцами я вытянул из конверта единственный предмет — старую полароидную фотографию с характерной белой рамкой. Когда я перевернул снимок, бетонный пол под моими ногами дал трещину.

На фото была Лера.

Но это не была та сияющая, уверенная в себе девушка из моих воспоминаний. И это точно не была женщина, сбежавшая с любовником ради красивой жизни. Она выглядела как привидение, запертое в бетонном склепе. Она сидела на полу в углу пустой комнаты с абсолютно голыми, серыми стенами. Её лицо было призрачно бледным, исхудавшим, а огромные

изумрудные глаза были широко распахнуты, отражая запредельный, животный ужас. Она казалась сломленной, обернутой в какое-то бесформенное серое тряпье. Вся моя уверенность в её предательстве, вся та ложь, которую мне скормил отец пять лет назад, рассыпалась в прах за долю секунды.

Моя рука скользнула в карман куртки, висевшей на стуле. Пальцы нащупали холодный металл зажигалки Zippo. Я сжал её так, что острые края впились в кожу. Мне нужно было за что-то держаться, чтобы не сойти с ума.

— Боже... — выдохнул я, и этот звук был больше похож на хрип раненого зверя.

Осознание того, что она всё это время была в плену, что её страдания были ценой моей ослепленной ярости, ударило меня под дых. Я пять лет жил в ненависти, жалея себя, в то время как настоящая жертва гнила в какой-то клетке, созданной Громовым. И мой отец знал об этом.

— Где она? — я поднял глаза на Андрея. Мой голос дрожал от сдерживаемого бешенства. Я был готов голыми руками вырвать кадык любому, кто встанет у меня на пути. — Откуда это принесли, Андрей?!

Семенов не ответил. Он смотрел на меня всё с тем же пугающим спокойствием. И только сейчас я заметил одну деталь: он не был удивлен. Он не спросил, кто на фото. Он даже не попытался заглянуть мне через плечо.

— Андрей? — я сделал шаг к нему. Воздух в гараже внезапно стал тяжелым, удушливым.

— Прости, Макар, — его голос был ровным, лишенным всяких эмоций. — У него были аргументы, против которых я не смог устоять.

Круг замкнулся. Мой мозг, привыкший анализировать телеметрию на бешеных скоростях, мгновенно выстроил логическую цепочку. Курьер не прорывался через КПП. Никто не присылал конверт. Андрей принес его сам. Человек, которому я доверял ключи от своей жизни, был «кротом» Громова.

Я бросился на него, ослепленный яростью, но Андрей даже не шелохнулся. Он не поднял рук для защиты и не отступил ни на шаг.

— Я бы на твоём месте не тратил время на драку со мной, Макар, — его голос резанул по ушам ледяным, расчетливым спокойствием. — Таймер уже запущен.

Я замер в полуметре от него, тяжело дыша. Мои кулаки сжались так, что ногти впились в ладони до крови.

— Какой таймер? — прохрипел я, чувствуя, как внутри всё обрывается в ледяную пустоту.

— Протокол «Карантин». Старый лабораторный комплекс в промзоне Капотни. Третий сектор, нижний уровень. Громов просил передать, что у тебя есть ровно сорок минут, прежде чем система выкачает из герметичного блока весь кислород.

Андрей медленно поправил воротник своего идеального кашемирового пальто, словно мы обсуждали котировки акций, а не жизнь моей жены.

— Он не стал приходить лично. Сказал, что хочет посмотреть, как быстро ты умеешь ездить, когда на кону не бизнес, а воздух для твоей семьи. Ты можешь попытаться убить меня прямо сейчас. Но тогда ты потеряешь еще пару минут. Выбор за тобой.

В его глазах не было ни страха, ни раскаяния. Только сухой, безжалостный расчет человека, который всё это время играл за другую сторону. Я хотел разорвать его на куски. Хотел выбить из него эту сытую спесь прямо здесь, на промасленном бетоне. Но перед глазами стояло лицо Леры со старой полароидной фотографии — бледное, искаженное запредельным ужасом.

Время больше не текло. Оно утекало сквозь пальцы.

Я резко развернулся, сбивая плечом инструментальный ящик. Гаечные ключи со звоном брызнули по полу. В три прыжка я оказался у своего кастомного байка. Сорвал с руля шлем, не заботясь о том, что руки всё еще в мазуте.

— Передай своему хозяину, — бросил я, перекидывая ногу через седло и поворачивая ключ зажигания, — если с неё упадет хоть один волос, я сожгу вашу Империю дотла.

Тяжелый двигатель взревел, разрывая акустику ангара. Я выбил передачу и вылетел под проливной дождь, оставляя Андрея стоять в идеальной тишине моего оскверненного чистилища. Стертая резина вгрызлась в мокрый асфальт. Впереди была Капотня. И сорок минут, чтобы обмануть смерть.

Глава 2

Дождь превратился в сплошную ледяную стену, когда я влетел в промзону Капотни. Мотоцикл подо мной ревел, выплевывая высокооктановую ярость прямо в серый мрак заброшенных складов и ржавых ангаров. Ветер завывал в пустых оконных проемах разрушенных цехов, мокрый асфальт блестел в свете фары, как спина распотрошенной рыбы.

Я ударил по тормозам так резко, что заднее колесо ушло в тяжелый занос. Из-под стертой покрышки брызнул веер грязной воды вперемешку с искрами. Тяжелый байк замер в сантиметрах от облезлого фасада старого административного здания.

Это место должно было быть мертвым. Гниющая индустриальная пустошь, про которую забыли даже мародеры. Но мой инстинкт, взведенный до предела, вопил о другом. Здание дышало. Под слоем облупившейся советской штукатурки и граффити пульсировала скрытая, холодная энергия. Гниль снаружи, высокотехнологичная сталь внутри.

Я слез с байка, игнорируя потоки ледяной воды, затекающие за воротник косухи. Мои пальцы, все еще хранящие въевшуюся черноту мазута, до боли сжались в кулаки. В нос ударила странная, противоестественная для этих руин смесь запахов: мокрый, крошащийся бетон и... горячий озон. Запах работающих мощных серверов.

Мой взгляд мгновенно зацепился за вход. Дверь была слишком идеальной. Кусок литой матовой стали, подогнанный к проему с микронной точностью, без ручек, без видимых петель. Громов не просто спрятал Леру в этой дыре. Он выстроил для неё персональный, непроницаемый склеп с климат-контролем и оптоволоком.

— Я иду, Лера. Слышишь? Только дождись, — прохрипел я, стирая с лица ледяную воду вперемешку с грязью.

Рука привычно скользнула под куртку, нащупывая тяжелую рукоять пистолета. Я собирался всадить пару экспансивных пуль в панель управления замком, но не успел даже вытащить ствол.

Над гладкой сталью коротко, издевательски мигнул зеленый светодиод. Раздался тихий, сытый пневматический щелчок, и тяжелая многотонная створка сама плавно отъехала в сторону.

Меня ждали.

Из темного зева коридора мне в лицо ударила струя стерильного, неестественно холодного воздуха. Это был запах дорогой частной клиники, пятизвездочного отеля и морга одновременно. Никакой пыли, никакой влажности. Мертвая, отфильтрованная пустота.

Я переступил порог. За спиной с мягким шипением сомкнулся стальной капкан, мгновенно отрезая шум дождя и запах свободы. Тишина внутри оказалась настолько плотной, что на мгновение заложило уши. Её нарушал лишь едва уловимый, низкочастотный гул спрятанной где-то под фальшполом вентиляции. Вибрация передавалась через подошвы тяжелых ботинок, заставляя внутренности сжиматься в тугий, болезненный узел.

Каждый мой шаг по длинному коридору казался грохотом взрыва. Интерьер здесь пугающе стерилен: скрытая матовая подсветка под потолком, заливающая пространство белым бестеневым светом, ни одного острого угла, всё скруглено, зализано. Это не было похоже на тюремную камеру. Это был макет жизни, идеальный террариум, созданный безумным кукловодом для своего любимого экземпляра.

Вместо окон в так называемой гостиной светились огромные плазменные панели во всю стену. На них с пугающей реалистичностью транслировалось фальшивое солнечное утро в сосновом лесу. Ветер колыхал цифровые ветки, алгоритм генерировал блики света. Яркий, синтетический свет резал мои глаза, привыкшие к мраку гаража и ночных трасс, вызывая приступ тошноты.

Где ты? В какой из этих комнат он запер твою душу?

На небольшом столике из закаленного стекла я заметил нетронутую еду в герметичном пластиковом контейнере. Рядом стоял стакан воды, на котором не было ни единого следа от пальцев. Всё здесь кричало о безличности. О том, что человек в этих стенах — лишь объект наблюдения, программный код, который нужно поддерживать в рабочем состоянии. Моя ярость, еще минуту назад горевшая ярким, разрушительным пламенем, вдруг остыла. Она кристаллизовалась, превратившись в тяжелый, могильный холод. Громов не просто украл её у меня. Он попытался стереть её личность.

Я прошел глубже, чувствуя, как белые стены начинают физически давить на плечи. Здесь не было жизни, только её выверенная имитация. Каждая деталь — от кашемирового пледа идеальной складкой на диване до ароматической свечи с запахом ванили — казалась мне изощренным оскорблением. Я чувствовал себя грязным зверем, ворвавшимся в операционную.

Впереди виднелась приоткрытая дверь, из-за которой на белый пол падал тусклый голубоватый свет.

Я толкнул её осторожно, боясь того, что увижу внутри. Сердце сделало болезненный кульбит, ударилось о ребра и замерло.

Она была там.

Лера сидела в самом углу комнаты, прямо на полу, крепко прижав колени к груди. В этом мертвенном свете экранов она казалась полупрозрачной, почти неземной, словно сотканной из тумана и застарелой боли. Её кожа, когда-то отливавшая теплым золотом, теперь имела болезненный цвет слоновой кости. Темные волосы каскадом рассыпались по опущенным плечам, скрывая лицо.

Мир вокруг меня перестал существовать. Остался только этот сжавшийся комочек в углу чудовищной клетки.

Она медленно подняла голову, и я утонул в её глазах. Огромных, изумрудных, но теперь наполненных таким запредельным, вымораживающим ужасом, какой не снился мне даже в самых страшных кошмарах. В них не было узнавания, не было тепла. Только животное, парализующее желание исчезнуть, раствориться в воздухе, впитаться в эти белые стены.

Она не бросилась ко мне. Не заплакала. Не позвала на помощь. Она превратилась в напряженную фарфоровую статую. Когда она инстинктивно вскинула руки, защищаясь, я увидел на её левой ладони белый шрам в виде полумесяца. Тот самый, который я когда-то целовал.

— Лера... — мой голос сорвался, превратившись в жалкий, надтреснутый хрип.

Услышав свое имя, она мгновенно вжалась в угол еще сильнее, обхватывая себя руками так, словно пыталась сломать собственные ребра. Её искусанные губы задрожали, выдавая едва слышный, прерывистый шепот, от которого у меня внутри всё перевернулось.

Я сделал неосторожный шаг вперед.

Она вздрогнула всем телом, как от удара током, и закрыла лицо ладонями. Воздух в комнате стал густым, как свинец.

— Нет, нет, только не снова... пожалуйста, уходи, — зашептала она, раскачиваясь из стороны в сторону. — Я всё сделаю, только уходи.

Я застыл, боясь даже дышать. Каждое мое движение воспринималось ею как угроза, каждый мой звук был для неё предвестником боли. Пять лет я жил своей гордой ненавистью, считая её предательницей, упивался статусом обманутого брошенного мужа. А теперь смотрел на обломки той сияющей, дерзкой девчонки, которую любил больше жизни. Мне хотелось рычать от собственного бессилия. Хотелось разбить эти фальшивые мониторы голыми руками.

— Лера... это я. Это Макар, — я попытался говорить максимально тихо, но в этой стерильной акустике мой прокуренный голос всё равно звучал грубо, как скрежет металла.

Вместо ответа она резко метнулась в сторону. Из-под подушки, брошенной на полу, её тонкие пальцы выхватили острый столовый нож. Она выставила его перед собой, держа двумя

руками. Лезвие ходило ходуном в голубоватом свете, но её взгляд внезапно изменился. Животный страх исчез, уступив место стальной, ледяной ненависти.

В этих изумрудных глазах вспыхнуло такое презрение, что я невольно отступил на полшага. Она смотрела на меня так, словно я был дьяволом, пришедшим забрать последний кусок её души.

— Уходи! — прошипела она, и её голос резанул меня без ножа. — Я знаю, зачем ты здесь! Громов всё сказал! Он еще тогда сказал, что это твой приказ! Что ты заплатил ему, чтобы сгноить меня здесь за измену, которой не было!

Я оцепенел, словно напоровшись грудью на арматуру. Осознание ударило под дых с такой силой, что потемнело в глазах.

Этот больной ублюдок Громов не просто держал её в плену. Он убедил её, что это язамуровал её заживо. Пять лет ада. Пять лет одиночества и сводящей с ума стерильности она приписывала мне. Я увидел застарелые белые полосы на её запястьях — следы от попыток вырваться из этой клетки — и понял, что пока я проклинал её имя в пьяном угаре, она каждый день боролась с монстром, носящим мое лицо.

— Лера, я не знал... Клянусь тебе всем святым, я искал тебя, — выдавил я, чувствуя, как к горлу подкатывает горькая, удушливая желчь. — Они показали мне видео... Я думал, ты ушла.

Она издала короткий, лающий смешок, больше похожий на всхлип. Нож в её руках не опустился ни на миллиметр. Она походила на загнанную, истощенную львицу, которой больше нечего терять. Я видел каждую венку на её бледной шее, видел напряженные мышцы под бесформенной одеждой. Мы были разделены всего парой метров, но между нами лежала пропасть из лжи, которую вырыли другие люди.

— Ты делаешь это ради бизнеса отца? — продолжила она, и её глаза сузились. — Громов сказал, что Волковы всегда получают то, что хотят. Что ты хотел получить, наблюдая, как я схожу здесь с ума? Мою долю? Мою жизнь?

Я открыл рот, чтобы ответить, чтобы попытаться разрушить эту стену безумия, но не успел.

Из-за приоткрытой пластиковой двери соседней комнаты донесся тихий, сонный всхлип. Затем раздался характерный пластиковый стук — звук упавшей на пол детали детского конструктора.

Я мгновенно обернулся на звук. Моя рука инстинктивно легла на рукоять пистолета в кобуре. Все чувства, притупленные шоком, снова обострились до предела. В этой квартире не должно было быть никого, кроме нас двоих. Мозг лихорадочно просчитывал векторы угроз, пока я всматривался в темноту дверного проема. Охрана? Засада Громова?

Но реакция Леры сломала все мои алгоритмы.

В долю секунды весь её страх за собственную жизнь испарился. Его снесло безумной, всепоглощающей яростью матери. Она вскочила с пола с невероятной, звериной ловкостью и бросилась наперерез, закрывая собой проход в ту комнату. Нож теперь был направлен мне прямо в грудь, а её лицо исказилось такой гримасой отчаянной решимости, что я замер, подняв пустые ладони в примирительном жесте.

— Не смей! — её голос сорвался на пронзительный, режущий стекла крик. — Только тронь его! Слышишь, Волков?! Убей меня, разрежь на куски, делай что хочешь, но не смей трогать моего сына!

Слово «сын» ударило меня в висок тяжелой кувалдой.

В голове на мгновение наступила абсолютная, звенящая белым шумом пустота. *Сын*. Пять лет.

Математика жизни сложилась в моей голове с жестокой, безжалостной очевидностью. Земля ушла из-под ног, и я физически пошатнулся, опершись рукой о дверной косяк. Мои легкие забыли, как делать вдох.

Я посмотрел на Леру. И сквозь пелену шока я увидел уже не просто сломанную женщину, которую когда-то любил. Я увидел мать моего ребенка. Ребенка, о существовании которого я не имел ни малейшего понятия все эти пять проклятых лет.

Мой сын. Громов украл не только женщину. Он украл моего наследника. Мою кровь.

Я не успел произнести ни слова. Во всей квартире внезапно вспыхнул тревожный, кроваво-красный свет, заливая белые стены цветом бойни.

Динамики, скрытые где-то за фальшпанелями потолка, ожили с тихим статическим щелчком. И по комнате разнесся спокойный, вкрадчивый голос Виктора Громова, пропитанный ядовитой, сытой иронией. Этот голос был повсюду, он забирался под кожу, лишая нас кислорода.

— Сеанс семейной терапии окончен, Макар, — произнес Громов. Я почти физически видел его холодную улыбку. — Вы получили свои ответы. К сожалению, ваше время вышло. У вас ровно тридцать секунд до полной блокировки периметра и активации протокола термической очистки. Беги, сокол, если еще помнишь, как летать.

Стены начали мелко вибрировать. Тяжелые гермозаслонки на вентиляционных решетках с лязгом пришли в движение.

Лера всё еще прижимала нож к груди, глядя на меня с прежним недоверием, но теперь в её глазах пылало отчаяние загнанного в угол зверя, защищающего детеныша.

Тридцать секунд. Это было всё, что у нас осталось, чтобы не превратиться в цифровой пепел внутри этого высокотехнологичного гроба. Мой шок испарился, выжженный холодным огнем абсолютной, кристально чистой цели.

Теперь мне было за что убивать.

Глава 3

— Двадцать пять... двадцать четыре...

Голос Виктора Громова, тягучий и бесстрастный, стекал с потолка холодной патокой, заполняя каждый кубический сантиметр квартиры. Тревожные красные лампы вспыхнули одновременно, превращая этот вылизанный, стерильный рай в филиал освежеванной скотобойни.

Иллюзия соснового леса на огромных настенных экранах дрогнула, пошла цифровой рябью и погасла. Вместо них обнажился глухой, армированный бетон и толстые листы бронестекла. Капкан захлопнулся, явив свой истинный, стальной оскал.

— Двадцать три...

Время больше не текло — оно спрессовалось в плотный ком, застрявший у меня в горле. Мозг, привыкший к перегрузкам на треке, включился на полную мощность. Я знал архитектуру подобных бункеров. Громов не собирался нас взрывать или сжигать — это оставило бы следы, привлекло бы ненужное внимание даже в этой забытой богом промзоне. Протокол «термической очистки» или «карантина» в таких комплексах означал только одно: газ. Галон или его аналоги. Система просто выкачает кислород, заместив его тяжелым инертным составом. Мы уснем через минуту и больше никогда не проснемся, превратившись в идеальный, неповрежденный биологический мусор.

— Лера, где он?! — рявкнул я, сбрасывая оцепенение. Мой голос ударил по стенам, перекрывая гул запускаемых вентиляторов.

Она не стала спорить, не стала кричать. Материнский инстинкт оказался сильнее паники. Лера метнулась в соседнюю комнату так быстро, что я едва успел за её тенью.

Я влетел в детскую следом за ней, и на долю секунды мое сердце просто перестало биться.

В углу, на небольшой кровати, застеленной ярким пледом, сидел мальчик в пижаме с синими машинками. Он не плакал. Вцепившись обеими руками в потертого плюшевого волка, он смотрел на нас. И когда его взгляд скрестился с моим, мир окончательно разлетелся на осколки, чтобы собраться заново в совершенно ином порядке.

На меня смотрели мои собственные глаза. Серые, тяжелые, цвета предгрозового неба — невероятно серьезные для такого крохи. В них не было истерики, только пугающая, взрослая сосредоточенность. Я увидел ту самую ямочку на щеке, ту же линию упрямо сжатых губ. Это была не просто кровь. Это был мой генетический слепок, моя копия, которую Громов держал в пластиковом пакете пять долгих лет.

— Папа пришел? — тихо спросил Даня.

Его голос — тонкий, чистый — прошил меня навывлет. Мощнее любой пули, страшнее любой угрозы. Пять лет я сжигал свою жизнь, думая, что мшу за предательство, а в это время мой сын учился говорить в бетонном мешке, ожидая человека, которого никогда не видел.

Лера загородила его собой, её плечи ходили ходуном, но руки твердо и быстро сгребли ребенка в охапку.

— Пятнадцать... четырнадцать...

— К выходу! Живо! — я вырвался из ступора, разворачиваясь к коридору.

Мы бросились к входной двери. Тяжелая матовая сталь, которая так плавно впустила меня внутрь, теперь намертво вросла в косяк. Магнитные замки гудели, наливаясь током. Сверху, из скрытых решеток вентиляции, с тихим шипением повалил белый, плотный туман. Он струился по стенам, тяжелым водопадом оседая на пол. В нос ударил резкий, химический холод.

Десять секунд до полной герметизации.

Никаких волшебных хакерских устройств у меня с собой не было. Против промышленного магнита на полторы тонны бесполезно махать пистолетом или монтировкой. Нужно было рубить питание.

Я подлетел к панели управления сбоку от двери. Бронированный пластик. Я выхватил из-за пояса тактический нож с усиленным лезвием и со всей дури вогнал его в стык между панелью и стеной. Скрежет металла о бетон резанул по ушам. Я навалился всем весом, выворачивая рукоять. Пластик треснул с сухим хлопком, открывая нутро — пучок толстых проводов и силовое реле.

— Макар, мне нечем дышать... — Лера зашлась сухим, лающим кашлем, опускаясь на колени и прижимая лицо Дани к своей груди, пытаясь закрыть его тканью кофты.

Газ заполнял комнату стремительно. Легкие начало сводить судорогой от ледяного воздуха, в котором больше не было кислорода. В глазах потемнело.

— Восемь... семь... — продолжал отсчитывать невидимый Громов.

Я впился пальцами прямо в пучок проводов, игнорируя маркировку. Искать нужный не было времени. Я нащупал толстый красный кабель фазы и черный ноль. Выдернул нож, одним резким движением срезал изоляцию с обоих.

Мышцы уже горели от гипоксии. Сознание сужалось до маленькой светлой точки.

Я стиснул зубы и вогнал широкое стальное лезвие ножа прямо между оголенными жилами, замыкая цепь накоротко.

Вспышка была ослепительной. Меня ударило током с такой силой, что отбросило на полметра. Запахло жженой резиной и паленой плотью — моей собственной плотью. Искры брызнули во все стороны, реле внутри стены взорвалось с громким хлопком, выбивая основную сеть.

Гудение магнитных замков мгновенно стихло.

Я вскочил на ноги, не чувствуя обожженной правой руки. Рванулся к стальной створке, впился пальцами в технический паз и рванул на себя. Дверь, лишенная питания, была невыносимо тяжелой, но адреналин сейчас заменял мне домкрат. Со скрежетом, от которого заныли зубы, створка неохотно отползла в сторону на полметра.

Этого было достаточно.

— За мной! — я схватил Даню левой, здоровой рукой.

Мальчик оказался удивительно тяжелым, теплым, настоящим. Его маленькие пальцы инстинктивно вцепились в воротник моей мокрой косухи. Правой, онемевшей рукой я мертвой хваткой вцепился в локоть Леры, буквально выдергивая её из облака оседающего газа.

Мы вывалились на лестничную клетку черного хода. Дверь за нами с глухим ударом закрылась на доводчике.

Бежать. Только вниз.

Бетонные ступени летели под ногами. Эхо наших шагов разносилось по пустой шахте лестницы, как автоматная очередь. Я слышал хриплое дыхание Леры за спиной, чувствовал, как Дания прижимает к моей шее своего потрепанного волка. Мои легкие жадно глотали пыльный, но спасительный кислород.

Я вышиб плечом последнюю пожарную дверь на первом этаже.

Нас окатило ревом проливного дождя. Ледяная вода мгновенно смыла с лица стерильный запах капотненской тюрьмы, запах жженой проводки и страха. Ночь встретила нас глухой, индустриальной темнотой, нарушаемой лишь редкими фонарями промзоны. Никаких лишних звуков. Только мощный, непрерывный ливень, барабанивший по асфальту.

— К фургону! — я тащил их за собой, перепрыгивая через лужи, скрывающие разбитый бетон.

Серый, ничем не примечательный фургон ждал нас в тени ржавых контейнеров, там, где я его оставил. Это был мой «призрачный» транспорт. Машина, купленная через подставных лиц, без GPS-трекеров, без номеров, не подключенная ни к одной базе данных.

Я рывком сдвинул боковую дверь и затолкнул Леру с Даней внутрь салона. Мальчик не издал ни звука, только смотрел на меня из полумрака своими серыми, недетскими глазами.

Я запрыгнул за руль, захлопнув дверь. В салоне пахло старым пластиком и пылью. Мои руки дрожали — сказался удар током, — но я уверенно вставил ключ. Дизельный двигатель взорвался хриплым, грубым рыком, который сейчас показался мне прекрасней любой симфонии.

— Мы уходим, — бросил я, не глядя назад. — Больше этот ублюдок вас не тронет.

Я выжал сцепление и ударил по газам. Фургон рванул с места, разбрасывая грязь из-под тяжелых колес. До выезда из промзоны оставалось меньше сотни метров по прямой аллее между складами. Казалось, мы вырвались. Казалось, система дала сбой.

Но Громов никогда не играл в азартные игры. Он всегда расставлял фигуры до того, как противник успеваеcь за доску.

Когда до спасительного выезда на шоссе оставалось пара десятков метров, я инстинктивно ударил по тормозам, выкручивая руль.

Из-за угла полуразрушенного цеха, разрезая пелену дождя ослепительно-белыми лучами ксенона, плавно выкатились два черных «Гелендвагена». Они встали клином, намертво перекрывая узкий выезд. Две массивные, бронированные стены из стали и тонированного стекла.

Мой фургон пошел юзом по мокрому асфальту и замер, тяжело покачиваясь, в пятнадцати метрах от засады.

Внутри кабины повисла мертвая, удушливая тишина. Только дворники судорожно метались по лобовому стеклу, смахивая потоки воды. Нас ждали. Мой маршрут, мой запасной фургон, мое время прибытия — они знали всё. Это означало только одно: Громов не просто читал мои ходы. Кто-то сливал ему мои алгоритмы. Кто-то, кто знал мои «призрачные» машины.

В этот момент Даня, сидящий сзади на коленях у Леры, подался вперед. Его маленькая рука легла на спинку моего сиденья, а голос прозвучал в абсолютной тишине неестественно громко:

— Мама... а почему дядя Андрей смотрит на нас из той машины?

Моя кровь превратилась в жидкий азот.

Я всмотрелся сквозь пелену дождя и ослепляющий свет фар. В головном «Гелике» стекло пассажирского сиденья медленно, издевательски поползло вниз. И там, в теплом салоне дорогого внедорожника, я увидел лицо Андрея.

Того самого человека, который час назад стоял в моем гараже с конвертом. Того, кто прикрывал мне спину пять лет. Того, кто помог мне купить этот самый «незасвеченный» фургон. Он не просто слил информацию Громову. Он приехал лично, чтобы закрыть капкан.

Предательство перестало быть абстрактным словом. Оно обрело лицо, имя и два бронированных джипа, преграждающих путь к свободе.

Я посмотрел на свои обожженные руки, сжимающие руль. Ловушка была идеальной. Но они забыли, что зверь, загнанный в угол вместе со своим выводком, больше не ищет путей к отступлению. Он начинает рвать глотки.

Я медленно переключил передачу.

Глава 4

Дождь хлестал по лобовому стеклу с остервенением, превращая ночной мир за бортом в размытое, враждебное месиво. Колеса тяжелого дизельного фургона, моего неприметного «призрачного» транспорта, яростно вгрызались в мокрый асфальт, выплевывая из-под глубоких протекторов фонтаны грязной, маслянистой воды. На выезде из промзоны Капотни нас ждал глухой стальной капкан. Два бронированных «Гелендвагена» Громова, черные, монолитные и блестящие в свете фонарей, как панцири гигантских жуков, перекрывали единственную дорогу, смыкая свои челюсти. В головной машине, за медленно опускающимся тонированным стеклом, я успел разглядеть лицо Андрея Семенова. Моего начальника безопасности. Моего лучшего друга. Человека, которому я доверял ключи от своей жизни и свою спину на протяжении последних десяти лет.

Времени на рефлексию не было. Если мы сейчас остановимся, нас просто молча вытащат из кабины, закатают в пластиковые стяжки и вернут в стерильный ад Громова. Только на этот раз — всех троих.

Я до хруста в суставах стиснул обтянутый дешевым пористым пластиком руль. Вместо того чтобы ударить по тормозам, инстинктивно вжал педаль газа в самый пол. Старый, но надежный дизель взревел, захлебываясь от максимального впрыска топлива. Фургон — это не спортивный кастомный байк, на которых я привык лавировать по ночной Москве, чувствуя каждый миллиметр зазора. Это полторы тонны тупой, неповоротливой стали. И прямо сейчас эта инертная масса была моим единственным оружием.

— Держитесь! — рявкнул я, направляя тупой нос машины прямо в заднее крыло второго внедорожника, который еще не успел полностью перекрыть зазор у облупившейся кирпичной стены склада.

Удар вытряхнул из нас дух. Скрежет рвущегося металла, визг сминаемого алюминия и хруст битого бронестекла перекрыли шум ливня, ударив по барабанным перепонкам. Мощный силовой бампер фургона смял тяжелый зад «Гелика», отбрасывая его в сторону с такой легкостью, словно законы физики на секунду перестали существовать. Отдачей нас швырнуло вправо, борт фургона проскрежетал по кирпичной кладке стены, высекая сноп ослепительных оранжевых искр. Кабину наполнил едкий запах паленого сцепления, стертых тормозных колодок и пыли от раскрошившегося кирпича.

Но мы прорвались.

Вылетев на разбитую подъездную дорогу, я начал лихорадочно, с хрустом перебирать передачи, выжимая из тяжелой машины всё, на что она была способна, уводя нас во мрак ночной трассы. Дворники ритмично, с надрывным скрипом били по стеклу, отчаянно пытаясь справиться с потоками ледяной воды, но ночь впереди оставалась непроницаемой и густой.

В кабине повисла тяжелая, пульсирующая тишина, которую нарушал лишь жесткий, монотонный стук капель по железной крыше — словно тяжелый индустриальный бит, отсчитывающий секунды нашего призрачного спасения. Я тяжело дышал, чувствуя, как адреналин, еще минуту назад спасавший жизнь, начинает отступать, оставляя после себя ледяной озноб и кислотный привкус желчи во рту.

Мой взгляд лихорадочно метался между мокрой дорогой и зеркалом заднего вида, ожидая в любую секунду увидеть там слепящие ксеноновые глаза погони. Но в голове, перекрывая все инстинкты выживания, набатом билось только одно имя: Андрей.

Семенов. Мой верный пес. Мой брат по крови, с которым мы выстроили всю архитектуру безопасности «Монолита». Предательство жгло под ребрами физической болью, разъедавая внутренности. Это был не просто слив информации. Это был системный, абсолютный крах. Как долго он работал на Громова? Год? Все пять лет?

Воспоминания начали вспыхивать в мозгу короткими, болезненными замыканиями. Я вспомнил, как мы вместе настраивали сервера. Как напивались в хлам в моем гараже после того, как отец показал мне то сфабрикованное видео с Лерой. Андрей тогда хлопал меня по плечу, подливал виски и философствовал о том, что предательство женщин нужно просто перешагнуть. А сам в этот момент, сука, знал, что моя жена гниет в бетонной коробке. Он знал всё. Он был архитектором моих слепых зон. И осознание того, что враг всегда дышал мне в затылок, обнимал меня за плечи и пил из моего стакана, превращало реальность в зыбучий, тошнотворный песок. Безопасности больше не существовало в природе.

— Ты бледный, Макар. Твои руки дрожат, — голос Леры из полумрака салона прозвучал тише шелеста дождя, но ударил по натянутым нервам как хлыст.

— Это не дрожь, Лера. Это ярость, — отрезал я, не оборачиваясь, потому что боялся, что если посмотрю на неё сейчас, то просто сломаюсь пополам.

Я перевел взгляд на салонное зеркало заднего вида и наткнулся на прямой, немигающий взгляд. Даня.

Мальчик не спал и не плакал, хотя после такого тарана любой ребенок зашелся бы в истерику. Он сидел на заднем сиденье, прижавшись к матери, выпрямив спину, и смотрел на меня в упор через отражение. В этом взгляде не было ни капли детской наивности, испуга или растерянности. В нем читалось только холодное, пугающе взрослое изучение. Он сканировал меня.

Мышцы на моем лице невольно дергнулись: в этом тусклом свете приборной панели я отчетливо видел в зеркале свою маленькую, неиспорченную версию. Тот же упрямый, едва заметный наклон головы вправо, когда он прислушивался к звукам мотора. Те же густые брови, сдвинутые к переносице в попытке понять и проанализировать этот безумный мир. У меня перехватило дыхание, а в груди стало невыносимо тесно. Это была моя кровь. Мой код. Мое прямое продолжение, которое Громов держал взаперти, как лабораторную мышь, пять долгих лет. Пока я топил свое горе в высокооктановом топливе, драках и саморазрушении, мой сын рос, не зная, как звучит голос его отца.

— Не смотри на него так, Макар, — голос Леры внезапно обрел стальную жесткость, став похожим на хруст ломающегося льда под ногами.

Я увидел в зеркале, как она инстинктивно, по-звериному сильнее прижала мальчика к себе, словно выстраивая вокруг него непробиваемый живой щит из собственных костей и сухожилий. Её бледное лицо в полумраке казалось маской бесконечной скорби и недоверия.

— Как «так», Лера? — мой голос прозвучал глухо, как скрежет ржавого металла по бетону.

Она ударила наотмашь, словно вогнала заточку прямо под ребра:

— Слово он — твоя новая собственность. Очередная сломанная деталь, которую ты привез в свой гараж, чтобы перебрать и починить. Зачем ты пришел, Макар? Пришел спасти свои гребаные акции и честь семьи, когда запахло жареным? Или Громов просто разрешил тебе поиграть в спасителя-героя, чтобы посмотреть, как ты в очередной раз облажаешься и отдашь ему всё сам?

Слова застряли в пересохшем горле. Я хотел закричать, что ничего не знал, что искал её следы каждый день, пока не уперся в глухую стену лжи, выстроенную моим собственным отцом и Семеновым. Но я промолчал. Для неё мое неведение было не оправданием, а окончательным приговором. Пять лет назад я поверил в грязь, не задав ни одного вопроса, развернулся и ушел. И теперь я расплачивался за свою слепую гордыню её кристально чистой, заслуженной ненавистью.

Впереди показался крутой, затяжной подъем, и старый двигатель фургона натужно завыл, требуя пониженной передачи. Чтобы освободить правую руку, я машинально вытащил из кар-

мана куртки свою старую зажигалку Zippo и положил её на пластиковый выступ приборной панели. Тяжелый металл негромко клацнул.

В следующее мгновение произошло то, что заставило время в кабине остановиться.

Даня, до этого сидевший неподвижно, внезапно подался вперед. Его маленькие, бледные пальцы потянулись к зажигалке. Я замер, боясь, что он обожжется об остаточное тепло металла или прищемит палец мощной пружиной крышки, но что-то глубоко внутри, какой-то древний инстинкт заставил меня промолчать и оставить руку на руле.

Мальчик взял её осторожно, почти благоговейно, как сложный механизм. Он не пытался крутить колесико или высекать искру. Его большой палец интуитивно нашел край откидной крышки.

Звук открывающейся стали в напряженной тишине кабины прозвучал сухо и четко.

Клац-клац.

Даня начал медленно крутить Zippo в руках, ритмично открывая и закрывая её. Щелчок открытия, пауза, глухой стук закрытия. В точности в том же самом рваном, нервном ритме, что и я в моменты высшего напряжения. Он делал это машинально, глядя в боковое окно на проносящиеся мимо размытые огни мокрого пригорода, словно этот звук помогал ему синхронизировать мысли с окружающим хаосом.

Мое сердце сделало болезненный, судорожный кувырок. Пять минут. Я знал этого ребенка, своего сына, всего пять проклятых минут, а он уже идеально копировал мою главную нервную привычку. Ему никто этого не показывал, он никогда не видел меня до сегодняшнего дня. Это была чистая биология, первобытная правда, переданная через гены, прошитая в подкорке. Эта крошечная, незначительная деталь связывала нас прямо сейчас крепче, чем любые тесты ДНК, любые документы и клятвы. Я судорожно сглотнул подступивший к горлу ком, до боли прикусив губу изнутри, не давая себе ни единого права на слабость.

— Отдай, Даня. Положи на место, это опасно, — тихо, но настойчиво сказала Лера, пытаясь мягко забрать у него холодный металл.

— Оставь ему, — мой голос прозвучал непривычно глухо и мягко. — Пусть держит. Если ему так спокойнее.

Мы стремительно приближались к крупной развилке. Впереди сквозь пелену дождя замаячили желтые огни кольцевой дороги, ведущие к городу, к моим «безопасным» квартирам, оборудованным по последнему слову техники. Но куда ехать? Мозг просчитывал варианты и отбрасывал их один за другим со скоростью пулеметной очереди. Андрей Семенов выстраивал всю мою систему безопасности. Башня «Монолита», конспиративные гостевые дома на окраинах, даже старая, заброшенная дача моего брата Руслана — всё это теперь превратилось в смертельные капканы, в которых нас уже ждали люди с оптикой и приказами стрелять на поражение. Семенов знал мои алгоритмы, мои маршруты отхода и привычки лучше, чем я сам.

Я резко, без поворотников, выкрутил тяжелый руль вправо, сбрасывая скорость, и уводя фургон на разбитую, неосвещенную грунтовую дорогу, уходящую в сторону старых, давно заброшенных промзон и лесополосы.

— Куда мы едем? — в голосе Леры снова вспыхнула плохо скрываемая паника. Она видела, как фургон ныряет в абсолютную темноту, где деревья смыкаются над крышей, как своды пещеры. — Макар! Это не дорога в город. Куда ты нас везешь? В свою новую тюрьму?! Отвечай мне!

Я посмотрел на неё через плечо. В полумраке кабины, освещаемой лишь тусклой зеленоватой подсветкой приборов, мои глаза, должно быть, казались двумя черными, бездонными дырами.

— В единственное место на этой земле, где я могу вас защитить. Даже от самого себя, — жестко ответил я, возвращая взгляд на дорогу. — Мы едем в «Сектор Ноль».

Мой гараж. Мое чистилище. Единственная точка на карте этого насквозь прогнившего города, о которой Громов не знал всей правды. Да, Семенов прекрасно знал адрес моей автомастерской на поверхности — он сам приходил туда всего пару часов назад. Но ни он, ни его люди понятия не имели про «уровень минус два» — забетонированный бункер времен холодной войны глубоко под основным ангаром. Я выкупил этот нижний ярус через цепочку подставных фирм-однодневок и оформил на давно мертвого человека еще до того, как мы с Андреем стали работать вместе. Там не было оптоволокну, не было скрытых камер Андрея, не было умных замков и систем распознавания лиц. Только автономный дизель-генератор, толстая сталь, бетон, инструменты и полная, абсолютная изоляция от цифрового мира.

Фургон тяжело подпрыгивал на глубоких ухабах, залитых водой, мокрые ветки деревьев с пугающим скрежетом хлестали по металлическому кузову, словно пытаясь разорвать его на части.

В этот момент экран тактического планшета, который я бросил на пассажирское сиденье еще в Капотне, внезапно вспыхнул ядовито-синим светом. Пришло короткое, зашифрованное текстовое сообщение. Не с неизвестного номера. От Андрея.

Я скосил глаза на яркий прямоугольник экрана, и холодный пот, контрастирующий с духотой кабины, мгновенно выступил на лбу и потек по вискам.

«Ты зря прорвался, Макар. Ты думаешь, что вырвал их из клетки и спас семью? Ты просто привел ходячие мишени в свою собственную, только меньшего размера. Громову не нужны твои эмоции и твоя ярость, ему нужна кровь Волковых для контроля над Советом. Ты сам везешь ему ключи от империи. Начинай обратный отсчет, брат».

Сообщение погасло так же внезапно, как и появилось, оставив меня в оглушительной, давящей на виски тишине, которую нарушало лишь рычание мотора и ритмичное, сухое клацанье зажигалки в руках моего сына. Фургон всё глубже скрывался в густой тени леса, увозя нас навстречу нашей последней, самой страшной войне, в которой я больше не имел права на ошибку.

Глава 5

Фургон влетел в чрево заброшенного таксопарка, сминая передним бампером намокший от дождя картон и мусор. Здесь, в верхнем ярусе, который я официально использовал как мастерскую, время словно застыло в конце девяностых: пахло вековой пылью, пролитым маслом и гниющим железом. Я ударил по тормозам, и машина замерла в центре огромного ангара, окутанного тяжелыми, почти осязаемыми тенями. Мои руки всё еще сжимали руль так, будто пытались свернуть шею самой судьбе.

Предательство Андрея пульсировало в висках раскаленным свинцом, выжигая остатки доверия к этому миру. Мой лучший друг, мой «брат» по безопасности, оказался тем, кто держал палец на кнопке моего капкана. Каждое слово его последнего сообщения — «ты сам везешь ему ключи от империи» — крутилось в голове издевательским эхом. Загнанный зверь вернулся в нору, но эта нора была лишь первым слоем моей обороны.

Я вышел из машины, и звук захлопнувшейся двери разнесся под сводами крыши, как выстрел. Дождь бешено барабанил по жестяной кровле, создавая какофонию, от которой хотелось зажать уши. Я подошел к пульту управления у въезда и ввел длинный код, блокирующий внешние ворота.

— Выходи, Лера. Мы на месте, — мой голос прозвучал чужо и надтреснуто.

Она приоткрыла дверь фургона, и я увидел её лицо в тусклом свете аварийных ламп. Бледная, почти прозрачная кожа на фоне этого индустриального кошмара казалась галлюцинацией моего воспаленного мозга. Она смотрела на ряды разобранных остовов машин и горы старых покрышек с таким ужасом, будто я привез её прямо в ад.

Лера сильнее прижала к себе Даню, словно пытаясь слиться с ним в одно целое.

— Где мы, Макар? Это... это еще одна тюрьма? — её шепот резал тишину, заставляя моё сердце судорожно сжаться.

— Это единственное место, где нет камер, подключенных к сети Громова. Здесь только я, ты и железо. Но нам нужно глубже. Идите за мной.

Я направился не к жилому лофту, который висел под потолком, а к тяжелой грузовой платформе подъемника в дальнем углу. Именно здесь начиналась правда, о которой не знал Андрей Семенов. Он был уверен, что знает каждый сантиметр моего гаража, но он ошибался.

Даня шел рядом с матерью, крепко сжимая своего потрепанного волка. Мой сын в моем настоящем убежище — эта мысль вызвала приступ головокружения, смешанного с ледяным спокойствием.

Когда мы опустились на «уровень минус два», нас встретил глухой бетонный коридор. Здесь не было окон, не было лишних звуков — только мерное гудение автономного дизель-генератора. Я ввел пароль на массивной стальной двери, и мы вошли в жилой отсек бункера.

Я щелкнул выключателем, и пространство залил теплый, янтарный свет. Лера замерла на пороге, её пальцы судорожно вцеплялись в косяк. Она не делала ни шага внутрь, её взгляд лихорадочно бегал по углам, ища привычные «глаза» видеокамер.

— Здесь их нет, — я бросил ключи на стол. — Я лично проектировал эту автономку еще до того, как мы с Андреем начали работать вместе. Сюда не ведет ни один кабель извне.

— Ты говоришь это так уверенно, — Лера наконец оторвалась от косяка, но стояла неподвижно. — Пять лет назад ты тоже был во всем уверен. Ты был уверен, что я ушла сама. Почему я должна верить тебе сейчас?

Я чувствовал, как ярость, смешанная с невыносимой виной, подкатывает к горлу. Мне хотелось подойти к ней, встряхнуть за плечи и прокричать, что я сдыхал без неё каждый день. Но я просто стоял на месте, боясь сломать ту тонкую нить, на которой она держалась. Моя рука сама собой нырнула в карман куртки, нащупывая металл Zipro.

Клац. Один раз. Как точка в конце предложения.

— Потому что у нас нет выбора, Лера. Либо вы здесь, со мной, либо люди Громова найдут вас через десять минут. Там есть вода. И еда. Вам нужно поесть. Дане — в первую очередь.

Я прошел к кухонной зоне, чувствуя себя неуклюжим медведем в посудной лавке. Достал бутылку минералки, пару контейнеров с едой и с грохотом поставил их на стойку. Металл отозвался неприятным звоном. Лера вздрагивала от каждого звука, её плечи были напряжены до предела.

— Ешьте. Это не ресторан, но это безопасно, — я отошел к стене с мониторами, которые сейчас показывали лишь системные данные, а не прямые трансляции.

Лера медленно подошла к столу, усадила Даню на стул. Её движения были механическими, лишёнными жизни, словно она была сломанной куклой. В груди ворочалось что-то тяжелое и черное. Пять лет Громов превращал сияющую девушку в тень.

— Ты хочешь, чтобы я сказала «спасибо»? — её шепот заставил меня обернуться.

— Мне не нужно твое «спасибо», Лера.

— Тогда чего ты хочешь? — она смотрела в упор, и её изумрудные глаза пылали ненавистью. — Ты просто сменил мне одну камеру на другую. Громов хотя бы не делал вид, что он мой защитник. Чем ты лучше него?

Я сжал зажигалку в кулаке так сильно, что острые края впились в кожу.

— Тем, что я не буду решать за тебя, когда тебе дышать, — отрезал я. — Завтра я найду способ вывезти вас из страны. Но сегодня вы останетесь здесь. Это не обсуждается.

Я отвернулся к экрану, за которым скрывались записи внешней безопасности верхнего яруса. Пока Лера кормила сына, я чувствовал, как тишина становится удушающей. Мой взгляд невольно зацепился за фигуру Дани. Мальчик спрыгнул со стула и подошел к стеллажу, где лежали мои чертежи.

В глазах ребенка внезапно вспыхнул живой интерес. Он замер, рассматривая схему двигателя, которую я набросал пару недель назад. Маленький пальчик медленно провел по линиям поршней и изгибам коленчатого вала. Он не задавал вопросов, он изучал чертеж с той же одержимостью, которая вела меня всю жизнь.

По спине пробежал мороз. Мои гены. Моя проклятая кровь.

Я сделал шаг к нему, сердце колотилось в самом горле. Мне хотелось поднять его на руки, рассказать про каждый болт, про каждую лошадиную силу. Но Лера мгновенно оказалась между нами. Её взгляд был ледяным щитом, предупреждающим: одно лишнее движение, и она вонзит мне нож в сердце. Она защищала его от меня, как от чумы.

Я замер, чувствуя себя лишним в собственной жизни.

— Пора спать, — сказала она Дане.

Я указал в сторону единственной спальни в конце отсека. Рывком открыл шкаф, достал чистую черную футболку и протянул Лере, стараясь не касаться её пальцев. Она взяла вещь брезгливо, словно кусок змеиной кожи.

— Спите там. Я буду здесь, — я указал на диван в гостиной.

Лера не ответила. Она увела Даню, и через мгновение раздался отчетливый, сухой щелчок замка.

Этот звук ударил меня под дых сильнее любого физического воздействия. Она заперлась. От меня. В моем собственном убежище.

Я остался стоять посреди зала, окруженный тишиной, которая теперь казалась враждебной. Я спас их из одной клетки, чтобы запереть в другой. Я медленно опустился на пол прямо у запертой двери, прислонившись спиной к бетону.

Достал тактический нож и брусок для заточки. *Шур-шур-шур.* Монотонный звук успокаивал взвинченные нервы. Громов не оставит нас в покое, а Андрей Семенов придет за своей долей. Ночь обещала быть долгой, и я знал, что до рассвета мне не сомкнуть глаз.

Я посмотрел на свою татуировку — механический сокол, разрывающий цепи. Теперь эти цепи стянулись вокруг моего сердца. Я буду сидеть здесь, на страже их сна, даже если они ненавидят каждый мой вдох.

Глава 6

Я сидел на ледяном бетонном полу жилого отсека, прислонившись спиной к массивному основанию верстака. Тьма вокруг была не просто отсутствием света — она казалась осязаемой, тяжелой и вязкой, как раз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.